

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813 и 1814 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

IV ¹⁾.

Характеръ и личность Императора Александра I выступаютъ рельефнѣе всего и вырисовываются въ наиболѣе яркомъ освѣщеніи въ періодъ Отечественной войны и послѣдовавшихъ за ней походовъ, вплоть до послѣдняго засѣданія Вѣнскаго конгресса. Упомянутые три года представляли кульминаціонный пунктъ его дѣятельности,—какъ правителя государства. Въ борьбѣ съ *Наполеономъ* онъ проявилъ всю свою силу воли, свою ловкость, свое терпѣніе и упорство. Возвышаясь значительно надъ интеллектуальнымъ уровнемъ всѣхъ окружающихъ его въ ту пору монарховъ—за исключеніемъ одного *Наполеона*—онъ, ни на одинъ часъ, не переставалъ изображать собой загадку, тѣмъ болѣе сложную, что въ повседневномъ обиходѣ казался всегда настолько простымъ, добрымъ, доступнымъ, невзыскательнымъ, благожелательнымъ и не преслѣдующимъ никакихъ затаенныхъ личныхъ цѣлей, что ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣнія относительно двойственности своего характера. Онъ дѣйствовалъ иногда не рѣшительно, но при этомъ его колебанія вызваны были всегда какъ бы сомнѣніями этического свойства. Въ бессмертномъ своемъ литературномъ эпосѣ: „Война и Миръ“ *Л. Н. Толстой* задаетъ между прочимъ такой вопросъ касательно Александра I, не находя на него отвѣта и предоставляя его рѣшить читателямъ: „Какъ могъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

такой добрый, гуманный, сердечный человекъ, какъ Императоръ *Александръ I*, держать около себя такую личность, какъ Аракчеевъ, и давать ей право къ неограниченному проявленію своего дикаго произвола ¹⁾“. Намъ сдается, что, не давая отвѣта на собственный вопросъ, великій писатель въ данномъ случаѣ немного слукавилъ, что впрочемъ встрѣчалось у него впоследствии нерѣдко. Толстой долженъ былъ понять, что *Александръ I* Аракчеевъ былъ необходимъ. Какъ человекъ даровитый, довольно просвѣщенный и развитой, *Александръ I* убѣдился вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, что управлять такимъ громаднымъ государствомъ, населеннымъ вдобавокъ ко всему на двѣ трети полукцивилизированнымъ народомъ, а на оставшуюся треть совершенно еще дикими инородцами, какъ Россія, нельзя съ помощью, или на основаніи тѣхъ принциповъ, теоремъ и научныхъ доктринъ, которыя онъ такъ охотно воспринималъ отъ своего воспитателя *Ламарта* и вычитывалъ изъ сочиненій энциклопедистовъ. Онъ чувствовалъ самъ, да и зналъ изъ исторіи недавняго прошлаго, что для того, чтобы держать страну, походившую скорѣе на отдѣльную часть свѣта въ полномъ повиновеніи, нужна желѣзная сила воли, чрезвычайная бдительность и необычайно крѣпкія руки, ни на минуту не отпускавшія туго натянутыя бразды правленія. Все это прекрасно понималъ молодой русскій самодержецъ, выступавшій послѣ внезапной катастрофы при крайне своеобразной обстановкѣ на арену широкой политической дѣятельности. Но въ то же время *Александръ I* сознавалъ, какая отвѣтственность ложится на государя за всѣ дѣянія цѣлой арміи чиновниковъ и служащихъ, не отличавшихся особенной безупречностью въ нравственномъ отношеніи и весьма склонныхъ къ произвольнымъ правонарушеніямъ, къ лихоимству, казнокрадству и грубымъ притѣсненіямъ ни въ чемъ неповинныхъ людей только изъ личныхъ побужденій.

Русскій народъ смотрѣлъ на Царя, какъ на заступника, вершителя судебъ, милостиваго и щедраго покровителя всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Терпѣливо сносилъ всѣ притѣсненія, вымогательства, онъ таилъ надежду, что когда вѣсть обо всемъ этомъ дойдетъ до Царя, то всѣ страданія прекратятся сразу. Нарушать такую укоренившуюся въ народѣ вѣру было опасно, а потому являлась необходимость въ разобщеніи народныхъ массъ съ высшей инстанціей монархическаго управленія и къ созданію крѣпкаго

¹⁾ Я цитирую Толстого отнюдь не дословно, а лишь на память и приблизительно по смыслу.

средостѣнія между главою государства и всѣми слоями населенія, стиснутыми вдобавокъ въ твердо установленныя сословныя рамки. Устранить въ короткое время все зло, исходившее непосредственно отъ малокультурной чиновничьей среды, чувствовавшей себя свободной отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ собственной совѣсти, смягчить нравы народа и развить въ немъ элементарныя понятія о правовомъ порядкѣ посредствомъ постепеннаго поднятія нравственности и просвѣщенія, оказалось задачею, превышающей въ то время духовныя и экономическія силы русскаго государства. Намъ нуженъ былъ тогда простыщенный абсолютизмъ, при строжайшемъ бдѣніи истинно религіозныхъ и правовыхъ началъ, воспитывающихъ народъ подаваемыми свыше хорошими примѣрами и посредствомъ строжайшаго требованія отъ каждаго, состоявшаго на государственно-общественной службѣ,—исполненія своего долга. Суровый, но справедливый режимъ возымѣлъ бы свое благотворное, воспитательное дѣйствіе. Но *Александръ I* роль энергичнаго, беспощадно-строгаго охранителя правового порядка съ законнымъ послушаніемъ царской и правительственной власти не нравилась, онъ предпочиталъ соотвѣтственно своему эластичному сангвиническому характеру разыгрывать гораздо болѣе благодарное амплу добродѣтельнаго „Deus ex machina“, являющагося въ самый критическій, сирѣчь, послѣдній моментъ въ качествѣ безпристрастнаго благожелательнаго вершителя судебъ. Безжалостное осужденіе и неутомимое преслѣдованіе всѣхъ неблаговидныхъ поступковъ служащихъ, ихъ безнравственнаго поведенія и нерадѣнія по отношенію къ прямымъ своимъ обязанностямъ, равно какъ неповиновеніе законнымъ требованіямъ правительства со стороны обывателей, возлагались на высшихъ и на ближайшихъ сотрудниковъ царя, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ, но дѣйствовавшихъ какъ бы совершенно самостоятельно. При самомъ идеально-честномъ, безпристрастномъ исполненіи своихъ тяжелыхъ обязанностей, такіе, уполномоченные царскимъ повелѣніемъ, сановники никогда не пользовались симпатіями общества или міра служащихъ. Люди, по свойственному человѣку характеру, трудно мирятся съ самымъ справедливымъ взысканіемъ и наказаніемъ за совершенныя ими ошибки или упущенія; они всегда склонны видѣть въ наказующемъ начальникѣ личнаго врага. Когда же суровая кара постигаетъ порою невиннаго или слишкомъ незначительно провинившагося служащаго, или гражданина, то чувство обиды и неудовольствія превращается легко въ лютую ненависть и неудержимое желаніе отомстить обидчику. Если къ этому при-

бавить то усугубляющее обстоятельство, что безотвѣтственнымъ рѣшителемъ судьбъ сотни тысячъ людей является человекъ по натурѣ злобный, грубый, ограниченный, преисполненный самой необузданной жаждой произвола, не считающійся ни съ какими законами и находящій особое наслажденіе вмѣстѣ съ нравственнымъ удовлетвореніемъ въ томъ, чтобы по возможности нагонять на всѣхъ побольше страха и трепета, то можно себя представить, какая громадная свинцовая туча ненависти могла собраться и стоять надъ такимъ человекомъ, а таковымъ былъ несомнѣнно *Аракчеевъ*. Выборъ *Александра I* палъ потому лишь на него, что онъ не боялся брать на себя всю отвѣтственность за всѣ дѣянія, въ томъ числѣ, конечно, и за ошибки и промахи самого государя.

Сосредоточить на себя всю ненависть общества и народа *Аракчеевъ* взялся отнюдь не изъ самоотверженной преданности къ царю, какъ онъ старался увѣрить въ этомъ *Александра I*, а изъ врожденной злобности и сладострастнаго чувства всюду изображать собой гибельную грозу, не дѣлая при этомъ различія между виновными и ни въ чемъ неповинными передъ закономъ людьми. Быть первымъ лицомъ въ странѣ послѣ государя казалось для ограниченаго временщика верхомъ блаженства и счастья. Чтобы удержаться на высотѣ своего положенія, онъ зналъ одно только средство—постоянное увеличеніе въ населеніи и обществѣ страха и гнета. Императоръ *Александр I* не возставалъ противъ такой первобытно-деспотической системы правленія; онъ видѣлъ царившее вокругъ него внѣшнее спокойствіе и безопасность своей особы, не справляясь о томъ, какой цѣной она была куплена. Ненависть и общее презрѣніе, которыя возбуждалъ противъ себя *Аракчеевъ*, были ему очень хорошо извѣстны, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбежное явленіе въ дѣлѣ управленія такой обширной и своеобразной въ культурномъ отношеніи страной, какъ Россія, будучи въ душѣ радъ, что враждебныя чувства всего мыслящаго и образованнаго населенія не направлены были исключительно противъ него. *Вотъ для чего нуженъ былъ Аракчеевъ Императору Александру I.* Имя этого злополучнаго временщика было нарицательнымъ, *ибо онъ изображалъ собой систему, а не случайное явленіе!* Въ сущности *Аракчеевъ* былъ немного переименованнымъ *Мамютой Скуратовымъ* и *Бирономъ* начала XIX-го столѣтія, по темпераменту и духу онъ могъ считаться прямымъ наслѣдникомъ, правнукомъ предыдущихъ двухъ временщиковъ-палачей. *Но съ другой стороны было бы крайне ошибочно и прямо*

несправедливо полагать, что Императоръ Александръ не руководился въ своихъ поступкахъ, повелѣніяхъ, а также и во всемъ своемъ поведеніи нравственными стимулами. Отрицать этого никто не можетъ, ибо доказательства тому заключаются въ достаточномъ количествѣ. Загадочность и трагизмъ его положенія вытекали преимущественно изъ того нерѣдко явнаго противорѣчія, которое обнаруживалось между лелѣянными имъ благими намѣреніями и тѣмъ, во что они превращались не только по винѣ исполнителей, но и въ силу опрометчиво вложенныхъ въ высочайшія повелѣнія основныхъ взглядовъ на дѣла государственнаго управленія. Недостатокъ яснаго всесторонняго пониманія задачъ и цѣлей, лежащихъ на самодержавномъ монархѣ, какъ отвѣтственномъ передъ исторіей правителѣ государства, неумѣнье и нерѣшительность пользоваться дарованной ему Провидѣніемъ властью тамъ, гдѣ это требовалось неотложно для блага народа, и непрерывныя попытки примѣнить во внѣшней и внутренней политикѣ утопическія теоремы недостижимаго на практикѣ земного благополучія съ явнымъ непониманіемъ принципиальнаго, основнаго различія между этикой, требуемой для руководства дѣлами внутренней политики, и этикой, которая нужна при сношеніяхъ съ иностранными государствами, были причиной, что достигнутые Императоромъ Александромъ I блестящіе на видъ успѣхи въ внѣшнихъ военно-политическихъ дѣлахъ оказались при внимательномъ разслѣдованіи лишь *красивой скорлупой, скрывавшей прожорливое для Россіи ядро.*

Хотя въ періодъ послѣднихъ войнъ, предпринятыхъ съ цѣлью низверженія Наполеона I съ диктаторскаго трона Европы, личность и характеръ Александра I всего доступнѣе были для всесторонняго наблюденія, онъ все же остался во многихъ отношеніяхъ тѣмъ неразгаданнымъ сфинксомъ, какимъ бывалъ и прежде.—Одно лишь несомнѣнно, что этотъ весьма недюжинный по дарованію человекъ умѣлъ все время такъ удачно гримироваться разнообразнѣйшими снадобьями, выбранными имъ по дешевой цѣнѣ изъ богато-составленнаго каталога нравственной косметики, что даже близко стоявшія къ нему лица не могли распознать за скрывавшей маской подлинныя его черты. Поставленный волею судьбы преждевременно на мѣсто, гдѣ ему приходилось сразу „*дѣлать исторію*“, безъ малѣйшей къ тому подготовки, онъ, не изучивъ и не понявъ примѣрные уроки исторіи (одно поверхностное знаніе фактовъ и хронологическаго порядка событій да еще въ крайне тенденціозномъ, одностороннемъ изложеніи Лагарпомъ всѣхъ скрытыхъ въ нихъ психоло-

гических причинъ и явленій не могло замѣнить строго-научнаго столь важнаго для будущаго правителя предмета), сталъ принимать въ ней участіе, т. е. создавать политику, по выработанному имъ самимъ плану.

При оцѣнкѣ политическихъ явленій онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживалъ поразительную близорукость.

Не имѣя передъ собой духовной перспективы, его взоръ не способенъ былъ охватить причинную и общую связь между совершившимися событіями и возможными дальнѣйшими ихъ послѣдствіями и разными побочными осложненіями. Опрометчиво предпринятые походы 1805 и 1807 г. года служатъ подтвержденіемъ сказаннаго. Обѣ кампаніи были заранѣе обречены на неудачу. Чтобы придти къ такому выводу, у Императора *Александра I* не доставало точнаго пониманія *современнаго ему положенія*; послѣднее же могло быть приобрѣтено только добросовѣстнымъ изученіемъ и знаніемъ прошедшаго, но этого-то у него именно и не хватало! Всякое правильное умозаключеніе вытекаетъ лишь изъ цѣльныхъ познаній; нужно умѣть прослѣдить пути, ведущіе отъ былого къ настоящему, современному. Мечтательность *Александра I* въ области всевозможныхъ беспочвенныхъ идей и доктринъ замѣняла ему положительное знаніе. Придерживаясь взгляда, внушеннаго ему, по всей вѣроятности, *Лазартомъ*, что *политика должна подчиняться этикѣ*, онъ перенесъ этотъ пригодный для внутренняго управленія государства принципъ и на внѣшнія отношенія къ другимъ державамъ и народамъ, что было непростительной ошибкой, ибо этика, служащая во внутренней политикѣ оружіемъ борьбы съ эгоизмомъ отдѣльныхъ личностей или сословіи, совершенно непригодна въ внѣшней политикѣ, гдѣ вопросъ касается усиленія государственнаго престижа и народнаго эгоизма въ смыслѣ повышенія его благосостоянія, доставленія всевозможныхъ выгодъ, необходимыхъ для поднятія могущества страны. *Правитель никогда не долженъ забывать, что охрана и независимость отечества и неунынное попеченіе о его благе есть самодовлѣющая, наивысшая нравственная цѣль, указанная ему самимъ Провидѣніемъ.*

Но самой крупной, роковой ошибкой, въ которой скрывалось такъ много непонятнаго, было то непримиримо-враждебное отношеніе *Александра I*, которое онъ проявилъ къ *Наполеону I* послѣ кампаніи 1812 года.

Если въ феодально-ретроградныхъ кружкахъ монархической Европы считали *Наполеона I* воплощеніемъ или исчадіемъ революціи, то *Александру I* было непростительно присоединяться къ

такому ошибочному взгляду; онъ обладалъ несомнѣнно способностью лучшей оцѣнки, такъ какъ ему стоило провѣрить только съ полнымъ безпристрастіемъ собственныя воззрѣнія на многіе предметы въ области отвлеченныхъ понятій. Анализируя душевное настроеніе обонхъ противниковъ, можно легко догадывать, что *Александръ I* подходилъ своимъ міросозерцаніемъ гораздо ближе къ политическимъ идеямъ якобинцевъ, нежели *Наполеонъ*. Послѣдній считалъ себя *наслѣдникомъ* революціи—что являлось тоже безусловно ошибочнымъ опредѣленіемъ. Въ дѣйствительности же геніальный корсиканскій полководецъ былъ самымъ суровымъ, безжалостнымъ противникомъ абсолютнаго народовластія и наиудачнѣйшимъ гасителемъ революціонныхъ вспышекъ, показывавшихся порою на громадномъ пепелищѣ послѣ грандіознаго государственнаго пожара въ началѣ девятидесятихъ годовъ XVIII-го столѣтія. Подошвами своихъ ботфортовъ, къ которымъ пристала земля почти со всѣхъ странъ Европы и выдавшихъ столько блестящихъ побѣдъ, онъ затопталъ послѣднія тлѣющія искры въ оставшейся отъ революціонной стихіи золѣ.

Никто такъ твердо не укрѣпилъ вновь монархическій принципъ во Франціи, какъ *Наполеонъ*, послѣ провозглашенія и коронованія себя императоромъ. Но и раньше проявлялъ онъ геніальныя способности при водвореніи прочнаго порядка въ хаотическія дѣла государственнаго правленія и общественной неурядицы. *Восемнадцатое Брюмэра* привело этому блестящее доказательство.

Вотъ, что писали про этотъ единственный въ своемъ родѣ во французской исторіи государственный переворотъ наиболѣе наблюдательные современники-исторіографы, между которыми шведъ *Бринкманъ* заслуживаетъ особаго и безусловнаго довѣрія: „Государственный переворотъ 18-го Брюмэра не обнаружилъ въ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и недовѣрія. Радикальная и политическая сторона революціи перестала существовать.—Французскіе народныя идеалы гражданской свободы воплотились въ *Бонапартъ*. Проявился подъемъ народнаго духа и пробудились надежды на счастливое будущее. Ни одинъ законный монархъ при вступленіи своемъ на престоль не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію, какую нашелъ *Бонапартъ* у своихъ согражданъ. Было бы очень странно, если бы такой искусный полководецъ не воспользовался подобнымъ настроеніемъ для того, чтобы создать болѣе удовлетворяющее нуждамъ народа прочное правительство. Франція выполнитъ въ буквальномъ смыслѣ слова невозможное, чтобы помочь *Бонапарту* е.

этомъ. За исключеніемъ презрѣнной шайки анархистовъ, весь французскій народъ до такой степени жаждетъ отдохнуть отъ опротивѣвшихъ ему революціонныхъ ужасовъ и безразсудствъ, что считаетъ каждую переменную въ своемъ положеніи направленною къ лучшему. Рѣшительно во всѣхъ слояхъ французскаго общества осмѣиваютъ показное геройство демагоговъ. Всюду раздаются заявленія о желательности изгнать ихъ изъ Франціи. Никто не сталъ бы теперь сочувствовать попыткамъ къ осуществленію ихъ обольстительныхъ црзъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ питаютъ къ Бонапарту искреннюю преданность, такъ какъ приписываютъ ему намѣреніе постепенно возстановить прежній порядокъ вещей. Равнодушные къ политическимъ принципамъ относятся къ Бонапарту, какъ къ человеку наиболее способному доставить Франціи внутренній и внѣшній миръ. Просвѣщенные республиканцы хотя и трепещутъ за свои учрежденія, но предпочитаютъ, чтобы государственная власть находилась лучше въ рукахъ одного талантливаго человека, чѣмъ црлаю клуба интригановъ".—Какая разница между этой спокойной, безпристрастной, объективной характеристикой научно-образовавшагося шведскаго историка и тѣми отзывами, которые видѣли въ геніальномъ поработителѣ половины Европы воплощеніе или исчадіе революціи, способнаго лишь къ разрушенію давно и прочно установившагося порядка въ мірѣ. Увлекающійся несбыточными надеждами Императоръ Александръ I никакъ не могъ составить себѣ свое опредѣленное, независимое отъ постороннихъ внушеній, мнѣніе о характерѣ и личности новаго повелителя Франціи и о громадномъ политическомъ значеніи тѣхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, которые нельзя было обратить вспять. Въмѣсто того, чтобы напречь всѣ силы для извлеченія пользы для Россіи изъ измѣнившихся послѣ французской революціи положеній, въ смыслѣ поднятія, по мѣрѣ силъ, промышленности и торговли, а на-ряду съ этимъ и облегчить сношеніе съ болѣе культурной Европой, онъ старался съ помощью оружія отстаивать принципъ легитимизма и неизблемость территоріальныхъ и суверенныхъ правъ мелкихъ германскихъ князей. Еще до похода 1805 года русское правительство обязано было приложить всевозможныя старанія, чтобы примирить Францію съ Англіей и предотвратить столкновенія между европейскими державами. Россія нуждалась въ продолжительномъ мирѣ для коренного переустройства ея внутренняго быта и реформированія всего государственнаго механизма. Если бы Александръ I имѣлъ вѣрное представленіе о тѣсной связи, существующей въ каждомъ государствѣ, между состоя-

ніемъ внутреннихъ дѣлъ и международнымъ положеніемъ, то онъ вѣроятно не предпринялъ бы безцѣльныхъ походовъ 1805 и 1807 г.г. Но разъ судьбѣ угодно было допустить обѣ роковыя ошибки, то *Александръ I* слѣдовало тѣмъ болѣе ухватиться за предложенную ему *Наполеономъ I* въ Тильзитѣ дружбу, а не таить въ душѣ чувство мщенія. Предложенія французскаго императора открывали русской восточной политикѣ самые широкіе горизонты, Императоръ *Александръ I* могъ достигнуть того, чего мы не въ состояніи были добиться затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія и посредствомъ трехъ кровопролитныхъ войнъ, стоящихъ намъ полмилліона жизней и трехъ милліардовъ рублей денегъ. Безпрерывно мечтавшій о счастіи своего народа, онъ отворачивался отъ улыбавшейся уже ему фортуны только потому, что не довѣрялъ новому другу и не хотѣлъ разстаться, на подобіе гладіатора,—съ мыслью еще разъ испытать свою силу въ схваткѣ съ могучимъ противникомъ. Порою поведеніе *Александра I* воскресало въ памяти черты тщеславія, присущія, судя по исторіи, многимъ древне-римскимъ и византійскимъ императорамъ. Соревнованіе имѣло для него только тогда интересъ и притягательную силу, когда оно происходило съ перво-разряднымъ противникомъ. Лица, стоявшія въ интеллектуальномъ отношеніи ниже его, не возбуждали въ немъ желаніе состязаться съ ними; отсюда его удивительное и прямо неопытно-равнодушное, терпѣливое, невзыскательное отношеніе къ порою весьма безтактному поведенію короля прусскаго, императора австрійскаго и даже вошедшаго съ нимъ подъ руку на освобожденный русскими штыками отъ узурпатора французскій престолъ короля *Людовика XVIII-ю*.

Тягаться съ такими лицами не представляло ничего заманчиваго для него. Но сверженіе гиганта, передъ которымъ трепеталъ весь міръ, въ прахъ, хотя-бы и съ пришедшей ему на помощь стихіей, это возвышало *Александра I* въ его собственныхъ глазахъ, ибо онъ видѣлъ въ этомъ указаніе якобы свыше. Ради достиженія такой цѣли онъ не считался со всѣми прочими нанесенными кѣмъ-либо ему обидами. Въ концѣ концовъ онъ такъ увлекся идеей спасти Европу отъ ига *Наполеона*, что самъ сталъ вѣрить въ Провидѣніе, избравшаго его орудіемъ избавленія человѣчества отъ появившагося на порогѣ девятнадцатаго столѣтія вторюю, по слову *Аттилы*, бича *Божьяю!*

Въ своей экзальтаціи онъ не замѣчалъ тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались такъ часто между его словами и дѣйствіями. Такъ примѣрно въ Калишѣ *Александръ I* заявляетъ,

какъ уже сказано, чуть не на подобіе торжественной клятвы, что желаетъ видѣть Францію *могущественной и счастливой*. Между тѣмъ онъ дѣлаетъ всевозможныя приготовленія, для успѣшнаго нападенія на эту самую Францію и изгнанія изъ нея единственнаго геніальнаго человѣка, способнаго сдѣлать ее и могущественной и счастливой.— Неужели онъ на самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ возможность преуспѣянія и процвѣтанія Франціи при насильно водворенныхъ *Бурбонахъ*?

Развѣ можно было серьезно думать замѣнить освѣщенную легендарной славой титаническую въ, интеллектуальномъ значеніи этого слова, фигуру *Наполеона* ряженнымъ въ расшитую золотомъ генеральскую форму, полученную только-что отъ портного, живымъ манекеномъ, именуемымъ „королемъ“ *Людовикомъ XVIII-мъ*? Нѣтъ, *Александръ I* не могъ такъ заблуждаться, и онъ вѣроятно самъ не вѣрилъ въ прочность режима, охраняемаго иностранными штыками. Впослѣдствіи выяснилась тщетность стараній посадить срубленное династическое дерево вновь въ землю. Корней оно не могло пустить, и достаточно было двухъ-трехъ сильныхъ порывовъ вѣтра, чтобы свалить его. *Александръ I* не дожилъ до этого финала, но если бы ему суждено было стать свидѣтелемъ паденія всего того, что онъ всѣми силами старался такъ поддержать, то быть можетъ онъ встрѣтилъ бы, памятуя прежнія заблужденія, извѣстіе о водвореніи во Франціи вновь имперіализма гораздо болѣе сочувственно, нежели находившійся въ такомъ же заблужденіи братъ его *Николай I*. Практическій курсъ исторіи не прошелъ бы для него даромъ, а завзятый политическій идеализмъ уступилъ бы мѣсто стремленіямъ къ достиженію болѣе конкретныхъ результатовъ.

М. В. Станиславскій.

